

архимандрит Рафаил (Карелин)

Церковь и мир
НА ПОРОГЕ АПОКАЛИПСИСА

архимандрит Рафаил Карелин

Церковь и мир на пороге Апокалипсиса

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31518422

Церковь и мир на пороге Апокалипсиса: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры; Москва; 2010

ISBN 978-5-7789-0059-7

Аннотация

Кто такой православный христианин, и по каким признакам узнать его в этом одержимым страстями мире? Что отличает его от язычника, признающего лишь один закон – закон удовлетворения своих многообразных потребностей? Где проходит разделительная черта между верующим во Христа и атеистом, равнодушным ко всему, что недоступно для его чувственного восприятия? На эти и не только эти вопросы постарается дать ответы архимандрит Рафаил (Карелин) на страницах своей книги.

Содержание

От издательства	5
Часть I	12
Человек – загадочное существо...	12
О церкви и расколе	19
Образ Христа	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Архимандрит
Рафаил (Карелин)
Церковь и мир на
пороге Апокалипсиса**

*По благословению Святейшего Патриарха Московского и
всея Руси Алексия II*

От издательства

Что такое православный христианин, по каким признакам узнать его в этом одержимом страстями мире? Где сегодня грань между ним и язычником, знающим лишь один закон – закон удовлетворения своих многообразных потребностей; где проходит разделительная черта между верующим во Христа и невероматеистом, равнодушным ко всему, что недоступно для его чувственного восприятия?

«У христиан, – говорит преподобный Макарий Великий, – свой мир, свой образ жизни, и ум, и слово, и деятельность свои; инаковы же образ жизни, и ум, и слово, и деятельность у людей мира сего. Иное – христиане, иное – миролюбцы; между теми и другими расстояние велико»¹. И «расстояние» это, «инаковость», о которой говорит преподобный – в образе мыслей и чувств. А область проявления их – отношение к тому, что окружает нас в этой временной жизни, выражающееся в конкретных, видимых поступках и делах. Вся жизнь «миролюбца» обусловлена рядом правил, сущность которых – помочь ему достигнуть тех или иных целей, которые он ставит перед собой, нередко – любой ценой. Жизнь же христианина обуславливается его верой в Бога, в будущее воздаяние, и единственный закон для него – закон заповедей

¹ Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. М. 1998. С. 40.

Христовых, которые сами есть **жизнь вечная** (Ин. 12, 50). И вот он, образ жизни христианина, – евангельский, такой, к какому призывает человечество Сам Христос.

На протяжении своего двухтысячелетнего существования христианская Церковь переживала различные времена, различным было и ее положение в мире. Первые века истории Церкви на земле характерны прежде всего тем, что между ставшими «новой тварью», совлекшимися «ветхого человека» и языческим миром, который, «тлея в обольстительных похотях», не желал знать гонимых и мучимых «галилеян», пролегал жесткая граница. В ту пору каждый христианин мог в любое мгновение закончить свою жизнь мученичеством и оттого постоянно готовился к тому, чтобы предстать перед Богом, стремился быть **в святой жизни и благочестии** (2 Пет. 3, 11); да и сам дух жизни первых христиан показывал, что они отнюдь не имеют **здесь постоянного града**, но взыскуют лишь **будущего** (Евр. 13, 14). Тот языческий мир, посреди которого они жили и похотям которого сами некогда предавались, был им противен, не могло быть согласия между ними и царившим в этом мире безбожием и неистовым развратом. Оттого и удивлялись те, с кем они еще вчера совместно «увеселялись» его «радостями». Оттого, пораженные святостью и чистотой их нового бытия, их стойкостью и мужеством перед лицом гонений и пыток, эти люди сами все чаще превращались из лютых волков в овец стада Христова.

Но вот наступил совершенно иной период в жизни Церкви: христианство, еще недавно гонимое, превратилось в государственную религию могущественнейшей империи. Мир же, хотя и изменился, но всецело не переродился. И любовь к нему, которая, по слову Писания, **есть вражда против Бога** (Иак. 4, 4), так и осталась в сердцах большинства живущих в нем людей. А отторгаемые им прежде и сами не приемлющие его «язычества» христиане сделались вместе с тем его частью. Так в сердце самого мира началась борьба – между духом Христа и духом антихристовым; христианство стремилось преобразить мир, освятить, привести его ко Христу, а мир – оземлить, «секуляризовать» христианство, превратить его из Божественного установления в некий общественно-государственный институт, имеющий свои моральные нормы, которые, впрочем, не обязательно соблюдать. И сколь тяжка эта борьба, можно заключить из того, что не раз на протяжении веков слышался в Церкви Христовой вопрос: не легче ли было тогда, когда горели костры и блистали мечи римских воинов, когда хищники устремлялись на арену и зрители замирали на трибунах, предвкушая кровавую расправу над последователями распятого Христа?

А наше время, наверное, еще сложнее; еще хитросплетенней, еще запутанней сама борьба – особенно в теперешней России, на всех землях, связанных с ней единым прошлым, общей историей. Позади у нас – гонения, по жестокости своей не уступающие гонениям эпохи Декия и Диоклетиана. За-

тем – десятилетия «антирелигиозной пропаганды», когда государство со всем своим аппаратом вело целенаправленную, «научно» организованную борьбу с религией. И само настоящее – теперь, когда появилась возможность трезво его оценивать, – представляется уже отнюдь не идиллическим, исполненным надежд на «расцвет» духовности и долгожданное «всенародное покаяние».

Что видели мы на протяжении ряда последних лет? – Открывались храмы, восстанавливались древние обитатели, Церкви возвращалось – с трудом и малыми дозами – отобранное у нее имущество. А параллельно, не встречая препятствий и затруднений, стремительно и неудержимо в нашу жизнь входило то, что именуется в Писании **тайной беззакония в действии** (2 Фес. 2, 7): невиданных масштабов хищения, бесконечные политические интриги, цинизм и жестокость, беспощадная борьба за место под солнцем как между «сильными», так и между «слабыми» мира сего, военные конфликты и массовая гибель людей, встречаемая (уже!) равнодушием общества, ужасающая безнравственность и разврат, – вот та реальность, которая окружает нас сегодня. И это же – тот фон, на котором возрождается Церковь...

По милости Божией многие сегодня (хотя поток их в последнее время поредел) обращаются ко Христу, покаяние и исправление жизни становится для людей насущнейшей потребностью. Но трудно, очень трудно в наше время челове-

ку, только-только решившему жить новой – христианской – жизнью. Он приходит из среды, в которой царило воинствующее неверие или «волевое забвение» о Боге, вступает в Церковь из мира полуязыческого – и остается в самой его гуще. И как ему понять, как сердцем почувствовать, что теперь для него уже «другой есть мир, иная трапеза, иные одеяния, иное наслаждение, иное общение, иной образ мыслей»², когда он еще всецело находится в плену мира прежнего, под властью его обычаев, привычек, страстей? Все кажется таким «привычным» – и то, о чем **стыдно и говорить** (Еф. 5, 12), и то, о чем говорить просто страшно. Человек пришел в Церковь, сердце его влечется к Создателю своему Богу, но оно еще не пробудилось от сна, оно еще теплохладно, и ему невдомек еще, что вся жизнь христианина – борьба, что путь его – по тоненькой ниточке, протянутой над пропастью, где искушения слева и справа и опасность отовсюду. А ведь без этого понимания нет и спасения, нет истинной жизни во Христе. Поэтому необходимо познать, уразуметь – в чем он, «дух века сего», и вместе с тем определить свое место в этом мире, понять, действительно ли ты со Христом, или лишь уста твои исповедуют Его, а сердце отстоит далеко, отдано во власть мертвых интересов и дел (Мф. 15, 8).

Но наше «усыпление» сильно и глубоко, и оттого нам постоянно нужно, чтобы кто-то «пробуждал» нас, указывал на окружающие опасности, предупреждал, рассказывал о них,

² Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. С. 57.

учил их избегать. И вместе с тем – напоминал о светлой и немеркнущей истине Христа, о неизреченной радости жизни с Ним; о том, что мы, люди, созданы Богом только лишь для Него и лишь в Нем обретаем полноту бытия и счастья, и оттого не к лицу нам безнадежно утопать в радостях и печалях земных.

Эта книга архимандрита Рафаила (Карелина) и есть такое отрезвляющее напоминание, порой горькое. Быть может, кому-то то, о чем он прочитает в ней, покажется страшным, но это – фон нашей жизни, окружающая нас реальность, в которой мы существуем – и вместе с тем не видим ее. И не для того говорит о ней автор, чтобы ужаснуть своего читателя, привести его в трепет; он лишь дает возможность рассмотреть, узнать, какова она есть, и правильно оценить ее. Страх, отчаяние – чувства, недопустимые, неуместные в жизни христианина. Да, действительно, наше время – пора, когда сбываются горчайшие пророчества Спасителя: меркнет вера (Лк. 18, 8), охладевает любовь (Мф. 24, 12). Но по-прежнему свет Христов просвещает всякого человека, грядущего в мир, по-прежнему Церковь Христова стоит на земле, неодолимая для адовых врат до последнего дня этого мира, и в ней – Сам Господь, милующий и спасающий, любящий праведных и исправляющий грешных. И оттого вместе с грозным словом обличения звучит в этой книге о Рафаила и кроткий зов к вечной жизни, к отверстому для нас Небесному Царству, – зов, который слышит и на который откликается челове-

ское сердце.

Часть I

Человек – загадочное существо...

Человек – загадочное существо. Это сочетание противоположностей. Он одновременно велик и ничтожен; он обладает внутренней свободой и в этом смысле является тенью Божества на земле – и в то же время опутан, как тонкой паутиной, своими страстями, привычками, ставшими его природой, властными требованиями мира гордого и безбожного, демонической силой греха, которые обезволивают его, делают медиумом темных сил и влечений. Человек беспомощно бьется в этой паутине.

Земля в океане космоса – пылинка. По поверхности этой пылинки ползают странные существа. Они пребывают в непрерывном беспокойстве, волнении и в борьбе друг с другом. И в то же время эти однодневные существа, затерянные в углу вселенной, чувствуют, что на них лежит великая миссия, что они – владыки этого огромного мира. На зем-

ле жизнь представлена в различных формах, и все животные довольны своим существованием, только один человек не удовлетворен ничем. Он вечно тоскует о чем-то, о какой-то потере. Он чувствует ложность своей жизни, хоть и не знает другой; так может тосковать только царь, потерявший свое царство. Рожденный в темнице не знает свободы, потому и не может тосковать о ней.

Жизнь на земле имеет свои жестокие законы, человек обусловлен ими. В этом отношении он – предмет этого мира, он находится под влиянием среды и под воздействием внешних сил. И в то же время он чувствует себя внутренне свободным; он чувствует ответственность за свои поступки перед лицом высшей Правды. И здесь парадокс: если человек свободен как высшее надмирное существо, то почему он отдан во власть физических и иных законов? Почему он живет в разрушительном потоке времени и над ним висит дамоклов меч смерти? А если он – существо, подобное другим существам, то откуда у него нравственное чувство и совесть? Откуда чувство своего бывшего величия и какой-то трагической потери?

Человек живет одновременно в двух мирах: во внешнем и внутреннем. Его тело подобно телу других животных, только, может быть, более слабое и хрупкое, чем у зверей, но человек имеет то, что отличает его от всех существ, что делает его жизнь не только космической, но и надкосмической. Его духовная сущность не измеряется в величинах времени

и пространства. По своей материальной структуре человек – явление космоса. Он обусловлен тысячами причинно-следственных связей: искра, вылетевшая из недр земли и погасшая во мраке космической ночи. Но дух его имеет иные измерения, он надмирен и поэтому больше самого космоса. Обычно человека называют микромиром, это понятие перешло от древних философов. Но на самом деле душа человека – это макромир, который больше, чем все вселенные, взятые вместе.

Существует феномен, называемый болью. Болит живой организм, мертвое тело не чувствует боли. И в то же время боль – это спасительный сигнал о том, что организму грозит опасность. Разочарование человека в этом мире, душевная боль говорят о том, что человек нравственен и в то же время – что жизнь его, направленная только на внешнее, ложна. Опытом всей истории доказано, что человек может найти счастье только в Боге, только в Боге начинается его истинная жизнь. Здесь, на земле, счастья нет, здесь – жизнь червя, питающегося прахом.

Блаженный Августин писал, что только «бездна Божества может наполнить бездну человеческого сердца». Эта бездна человеческого сердца больше всех космических пространств, глубже черных ям вселенной, больше всех космических творений, взятых вместе, больше самого принципа бытия и небытия. Бездна человеческого сердца – это богоподобие, поэтому эфемерный червь, ползающий по земле –

песчинке космоса, в своем духовном аспекте является владыкой всей вселенной и частицей мира, который лежит за ее пределами.

Человек одновременно чувствует себя свободным господином своего бытия и рабом, продающимся на невольничьем рынке этого мира. Он чувствует, что свобода – это высшая ценность, но редко понимает, что такое свобода. Нельзя быть свободным во внешнем мире, где царствуют время и смерть, – это иллюзия. К такой свободе стремилась и стремится большая часть человечества, но получает только лишь разочарование и горечь от еще больших потерь. То, что считают свободой – внешняя свобода – превращается в страсти и соперничество, то есть в новый вид рабства, только вывернутого наизнанку. Подлинная свобода – это независимость от внешнего. Высшим проявлением свободы является молитва как обращение к Божеству.

Абсолютная жизнь Божества – это высшая, истинная и единственная свобода, и только через включение в нее жизнь человека может стать свободной, остальное – иллюзия и мираж.

Царь и пророк Давид говорил: **Только в Боге успокаивается душа моя** (Пс. 61, 2). Он владел царством, был любим народом, одерживал блистательные победы над врагами, но только в Боге находил покой сердца и простор внутренней свободы. Зло не просто насильничает над человеком, оно обманывает человека, надевая маску «добра». Один из обма-

нов сатаны – отвлечь человека от Бога путем ложного добра; закрыть его внутренний мир, оставить его жить во внешнем. В церкви часто повторяются слова: раб Божий. Эти слова вызывают досаду у многих современных людей, они даже шокируют их. Между тем в них заключается огромный потенциал свободы. Раб принадлежит только одному господину, который купил его у работорговца. Быть рабом Божиим – значит перестать быть рабом людей, перестать чувствовать зависимость от людей, сбросить с себя эти невидимые цепи; добро от человека принимать как добро от Бога, совершенное посредством человека, и быть благодарным Богу, а зло от человека принимать как наказание от Бога, осуществленное через человека для нашего спасения, поэтому также благодарить Бога. Во всем видеть благую волю Божию, совершающуюся на нас, а на людей смотреть как на орудия и средства для воплощения воли Божией и осуществления Божественного промысла о нас. Поэтому одинаково не следует ни привязываться к людям до состояния раба, ни иметь вражды к ним. Слова раб Божий означают, что мы должны никого не иметь рабами и ничего не требовать от человека, даже самого близкого к нам. Правило не быть ни господином, ни рабом открывает человеку путь к его собственной душе, вырывает его из круговорота мира. Принимая от людей все, как от Бога, мы сами должны для человека делать так, как для Христа Спасителя, невидимо пребывающего в нем, и поэтому не ждать ни от кого благодарности. Если мы ожидаем от чело-

века благодарности, то ставим его в зависимость от себя, и наше добро обращается в порабощение. Если бы мы всегда помнили, что все, что мы делаем для человека, принимает Бог, то все наши действия приняли бы мистический смысл, метафизическую глубину.

Первое условие на пути к духовной свободе – в минуту опасности предавать себя и своих близких Богу. Второе – иметь правильную шкалу ценностей: не путать второстепенное с первостепенным. Мы часто растрчиваем время, свое и чужое, на малонужные или пустые дела. Но даже доброе дело становится грехом, если ради него забывается и не исполнено главное – как если бы часовой оставил пост и пошел обрабатывать поле. Главное в жизни человека – это стяжание благодати Духа Святаго. Этот свет будет озарять не только нашу жизнь и нашу душу, но станет источником жизни для других. Поэтому в Библии написано: **Воля Божия есть освящение ваше** (1 Фес. 4, 3). Самым большим благодетелем для человека является тот, кто открыл ему этот свет, кто пробудил его дух. По сравнению с этим мирские добродетели стоят ступенями ниже. Мы часто заменяем благодать суррогатом, подделкой: ласковостью, нежностью, излишним вниманием; шутим и развлекаем человека, думая показать этим свою любовь к нему. Но если бы мы пребывали в молитве, то благодать, даже без наших слов, утешила бы нашего ближнего. Поэтому аскетизм в древности воспринимался не как индивидуальное спасение человека, а как высшая форма

добра для всего человечества, и монашество – стяжание Духа Святаго – понималось не как эгоцентризм или безразличное отношение к миру, а как жертва за людей. Поэтому высшей формой добра, высшим подвигом, притом самым трудным и напряженным, является вхождение с молитвой в свой внутренний мир, пробуждение сердца и обращение духа к Богу через слова молитвы. Молитва – это реанимация человеческого сердца, переход из царства смерти в царство жизни. Молитва сопряжена с трудами и болью, особенно вначале. Но ведь когда больной пробуждается от забытья или обморока, то он чувствует боль. Вне боли нет возвращения к жизни. Жить – это значит пробудить сердце, заставить его чувствовать, мыслить и говорить. У святых Отцов слово «сердце» часто служит синонимом души. Человек настолько живет, насколько включено в жизнь его сердце.

О церкви и расколе

Вопрос. Что такое Церковь?

Ответ. Наиболее глубокое, существенное и, мы сказали бы, всеобъемлющее определение дал апостол Павел в Послании к Ефесянам: **Церковь – это Тело Христа Спасителя, Главы, наполняющего все во всем** (Еф. 1, 22).

Вопрос. Что значит это определение? О каких свойствах Церкви оно говорит?

Ответ. Церковь – живой организм. Это благодать Божия, объемлющая собой все разумные творения, пребывающие в благодати через послушание, покорность и преданность ей. Церковь вечна и божественна, как действие вечных Божественных энергий, как свет, льющийся из глубин Троицы-Трипостасного Божества. И вместе с тем Церковь сотворена, так как она объемлет собой творения Божии, созданные во времени. Цель Церкви – осуществить единство между Творцом и Его творением, возвести мир из его ограниченного и условного бытия в свободу и полноту Божественной жизни, в приобщение Божественных совершенств.

Церковь – Тело Христа, следовательно, она едина как в земном, так и в космическом измерениях. В Псалтири космос сравнивается с ризой – одеждой Божества, а в Новом Завете Церковь названа мистическим Телом Христа Спасителя. Святые Отцы говорят, что Господь создал Вселенную ради Церкви.

Итак, первое свойство – это единственность Церкви.

Второе – Церковь всемирна и универсальна. Земная Церковь органически соединена с Небесной Церковью. Через Церковь преодолевается двойственность (диада) духа и материи, и космос одухотворяется в своем будущем преображении. Церковь – Тело Главы, Того, Кто объемлет Собой все. Следовательно, путь в Небесную Церковь лежит только через земную, а точнее – это два аспекта одной Церкви. Церковь – живой организм, а живой организм невозможно создать искусственно. Невозможно создать искусственным лабораторным путем живую клетку из химических элементов клетки, и так же невозможно искусственным путем на основе догматов, канонов, обрядов и совокупности того, что мы знаем о Церкви, создать новую Церковь. Все это будут мертвые теоретические построения, манекены и куклы, лишённые жизни. Христианская Церковь – это не создание человеческого интеллекта или даже религиозного гения, а вечная жизнь, данная Духом Святым в день Пятидесятницы.

У нетленного Главы Нетленное Тело, поэтому Церковь не подлежит смерти или рождению. Она одна и та же, и в Бо-

жественной благодати тождественна себе самой!

Апостол Павел в Послании к Евреям сравнивает Церковь с Небесным Иерусалимом, где обитают вместе ангелы и души праведников.

Вопрос. Какие еще определения Церкви содержатся в Новом Завете?

Ответ. Апостол Павел в Послании к Ефессянам говорит о том, что Церковь – «Невеста Христова». Образ Церкви-Невесты является главным содержанием ветхозаветной книги «Песнь песней», которую древние экзегеты сравнивали со святой святых ветхозаветного храма.

Вопрос. Что означает этот символ?

Ответ. Вечную, всецелую, неизменную, непоколебимую любовь Божества к Церкви Его.

Невеста – единственная любовь своего небесного Жениха. Она сонаследница Его величия и славы. По словам священномученика Киприана, только Церкви обещано царство вечного света, вечного богообщения. В «Песни песней» написано: **Ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе** (Песн. 4, 7). Прекрасна благодать Божия, обитающая в Церкви; души, в которых вселяется благодать, становятся прекрасными и ангелоподобными. Невеста единственна. Те «другие», которые захотят похитить ее имя, – только жалкие блудницы; она – возлюбленная. Человек может изменить своей любви, а любовь Бога крепче ада и смерти – она неизменна. В Церкви нет пятна или порока, поскольку Цер-

ковь – прежде всего невидимая сила, преображающая мир. Солнечный свет, озаряя землю, остается чистым, хотя бы его лучи падали в болота и выгребные ямы.

В «Песни песней» есть таинственные слова: **Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою** (Песн. 8, 6). Печать – знак неизгладимой любви. Церковь всегда в памяти Божией, в свете Его истины. Когда мы говорим: он близок сердцу, то подразумеваем самое близкое духовное единение, одна душа как бы отображается в другой. Царская печать не может быть стерта, не может быть разрушена, искажена и подменена. Церковь едина. Другая церковь – это уже поддельная печать, это преступление против «Невесты Христовой», это ложь против обетования Божественной любви.

Перстень – знак вечности. Перстень – знак, которым обмениваются при обручении жених с невестой, залог любви, у которой нет конца, в которой не может быть перемены. Перстень при обручении – это клятва, что не будет второй невесты, что любовь неразделима, что измена подобна муке ада.

Десница Божия – это действие благодати в мире. Перстень на деснице Божией – знак того, что все деяния Божии, от самого мироздания до бесконечного преображения мира, совершаются для Церкви, так как в Церкви скрыта цель всего мироздания. По словам апостола Павла, Церковь – **столп и утверждение истины** (1 Тим. 3, 15). Столп означает непоколебимость Церкви, ее вечное пребывание в истине. Истина

– не только учение Церкви, истина – сама ее жизнь; истина – это благодать, которая действует в ней со дня Пятидесятницы. Истина – это непрестанно совершающаяся Пятидесятница в богослужениях и таинствах Церкви. Поэтому Церковь не может быть построена искусственно. Поэтому все ереси и расколы (пусть не для самих раскольников), называются не церковью Божией, а человеческими именами. Об этом писал уже священномученик Иринеи Лионский во II веке.

Церковь – утверждение истины. Истина утверждается через действие Духа Святаго на человеческое сердце. Дух Святой дает человеку непосредственное свидетельство, внутреннюю достоверность, что учение Евангелия – истина. Но в то же время Церковь является хранительницей вероучения, поэтому верить в Церковь – это принимать то, что она принимает, и отвергать то, что она отвергает. На главный столп опирается вся тяжесть здания, а на Церковь Божию – тяжесть всей вселенной.

В древности цари после военных походов воздвигали из каменных плит или цельного гранита столпы, на которых писали об одержанных победах над врагами в память своим потомкам. А на Церкви – вечные письма о том, как Христос победил сатану и ад и как христианин может стать победителем в духовной битве.

Апостол Павел и апостол Иоанн Богослов называют Церковь и Царство Божие Небесным Иерусалимом, где обитают вместе ангелы и души святых. Иерусалим означает «мир Бо-

жий», мир как духовное единство в любви и благодати. Мир – это Бог, обитающий в своих творениях.

Вопрос. Что такое раскол?

Ответ. Само слово «раскол» означает разделение, расчленение, дробление, отторжение части от целого. Раскол – это грех против любви, на которой основано единство. Где нет любви, там не может быть благодати.

Раскол имеет три плана: еkkлезиологический, психологический и оккультный. Еkkлезиологический план – неверие в обетование, которое Спаситель дал Церкви, дерзкое разрушение всех церковных канонов, попытка создать новую «церковь» без святой Пятидесятницы. Психологический план – гордыня, властолюбие и непослушание. Оккультный план – противостояние благодати Божией, действующей в Церкви.

Вопрос. Мы хотели бы рассмотреть раскол с точки зрения еkkлезиологической. Раскольники утверждают, что как раз они являются единственно истинной церковью, и все перечисленные выше свойства Церкви относятся к их общине. В чем основная ошибка раскольников?³

³ Здесь на деле архимандрит Рафаил говорит о принципах раскола как такового, но в частности касается и проблемы раскола в Грузинской Православной Церкви. История его вкратце такова. В мае 1998 г. настоятели ряда грузинских монастырей обратились в Синод с ультимативным заявлением: они требовали выхода Грузинской Православной Церкви из Всемирного Совета Церквей и отказа от участия в иных екуменических организациях, обещая в противном случае прекратить евхаристическое общение с грузинским Патриархом Илией. Синод удовлетворил их требования, приняв решение о выходе из ВСЦ. Однако часть

Ответ. Раскольники игнорируют соборный принцип и иерархическую структуру Церкви. Они считают, что при наличии единомысленного с ними архиерея можно искусственно создать новую Церковь. Но от большего происходит меньшее, а высший благословляет низшего; епископ получает благодать своего сана от Церкви, следовательно, он не равен Церкви, а меньше ее, поэтому он со своими сторонниками не может создать, как бы сочинить новую Церковь. В противном случае епископ был бы больше Церкви.

Вопрос. Как понять зависимость епископа от Церкви?

Ответ. Епископа избирает собор епископов поместной Церкви, который уполномочивает совершить хиротонию нескольких архиереев как своих представителей. Епископа судит собор епископов, который может лишить его кафедры, запретить к служению, извергнуть из сана. Кроме того, епископ подчинен старшему в области епископу (митрополиту или патриарху). Вопросы, касающиеся церковной жизни, решает Синод, а в некоторых случаях Собор. Человек, находящийся на иерархической лестнице, может передать другим меньшее, чем имеет сам. Поэтому епископ, будучи мень-

монашествующих решила пойти дальше, потребовав также прекратить общение со всеми (!) поместными Церквями по причине участия этих Церквей в экуменических движениях. Поскольку это условие Синодом выполнено не было, представители «крайнего» меньшинства действительно прекратили поминовение за богослужением Патриарха Илии и обратились в раскол. В настоящее время они составляют немногочисленную группу, поддерживающую общение с греческими раскольниками. – Изд.

шим, чем Церковь, не может создать Церкви. Порывая общение с Церковью, он лишается того, что дала ему Церковь. Поэтому раскольничий епископ не может совершать ничего священного.

Вопрос. Верно ли раскольники говорят, что Церковь – это чистота вероучения, которую, по их мнению, сохраняет их община?

Ответ. Чистота вероучения – необходимое свойство Церкви, но еще не Церковь. Иначе новозаветная Церковь строилась бы постепенно в течение трех с половиной лет Евангельской проповеди Христа Спасителя и была бы завершена Его последней прощальной беседой. Но Церковь была создана в день Пятидесятницы, во время схождения Духа Святаго на Апостолов. Господь перед Своими страданиями обещал Своим ученикам ниспослать им Духа Святаго, Который будет наставлять их на всякую истину.

Христианское вероучение – не абстрактная доктрина, а действие Духа Святаго – Духа Истины Церкви, где вероучение неразрывно с литургикой и иерархической преемственностью. Церковь хранит чистоту веры в единстве любви, в единстве между поместными Церквами, в единстве небесной и земной Церквей, в единстве народа и иерархии. Это единство является непрременным условием для действия в Церкви Духа Святаго, Который есть Хранитель Истины, Учитель Истины и Сам – абсолютная, совершенная и живая Истина. Отпадение от Церкви раскольников во имя догма-

тического правдоподобия, основанного на личных мнениях, влечет за собой потерю Духа Истины. Поэтому всякий раскол – это область духовного мрака, пустоты и лжи, где не может существовать и сохраняться ни единство любви, ни вероисповедальная чистота.

Вопрос. В чем выражается единство Церкви в ее земном плане? Где конкретный, видимый принцип этого единства?

Ответ. В соборности как выражении сознания всей вселенской Церкви, которая, по словам апостола Павла, имеет «ум Христов». Каждый раскол – это борьба против Церкви и прежде всего противопоставление своего группового, в сущности, замкнуто-сектантского мышления соборному разуму. Трагический пример противопоставления себя вселенской Церкви представляет история Римской кафедры. Многие считают, что причиной ее падения была латинская ересь «филиокве» и другие несовместимые с Православием отклонения, но они являлись скорее следствием, чем причиной. Причина – желание поставить себя над вселенской Церковью, игнорирование соборного мышления как принципа сохранения истины. Именно поэтому частные ошибки и отклонения, которые были бы исправлены в соборном единстве, вошли в практику и сознание Рима, а затем были догматизированы. Всякий раскол – это претензия части представлять собой все целое.

Церковь – это живое тело, поэтому часть, отторгнутая и вырванная из организма, становится мертвым, гниющим

куском.

Вопрос. Раскольники говорят, что у них есть свой епископат, свой синод, следовательно, есть и своя соборность?

Ответ. В начале каждого раскола мы видим непослушание и восстание против Церкви. Из самоволия не может возникнуть соборности, а от запрещенного епископа – иерархии. Один из Отцов писал, что диавол – это обезьяна Бога. Мы можем сказать, что раскол – это обезьяна Церкви.

Вопрос. Раскольники ссылаются на пример преподобного Максима Исповедника: когда его убеждали вступить в евхаристическое общение с еретиками и говорили, что все патриархи приняли монофилитство, тот ответил, что если весь мир примет ересь, то он все равно останется с истиной. Верно ли раскольники на основании этого делают заключение, что одному человеку во всем мире можно хранить истину?

Ответ. Преподобный Максим сказал – «если весь мир», но само слово если свидетельствует о том, что он вовсе не допускал этого, оно означает, что фраза условна. Здесь риторический прием, когда гипербола подчеркивает и усиливает мысль о том, что истина выше всего, в том числе евхаристического общения с царем и патриархами, принявшими ересь. Здесь еретики пытались обмануть преподобного Максима, говоря, что вся вселенская Церковь приняла монофилитство, и он ясно видел эту ложь. Ересь приняли только Константинопольский и Антиохийский патриархи, а Иерусалимский патриарх и Римский папа сразу же отверг-

ли ее. Александрийский патриарх принял ересь временно, по ошибке, а затем, убежденный Максимом Исповедником, вернулся к Православию. В Константинопольской и Антиохийской Церквах большинство епископов, священников и мирян оставалось православными. Поэтому на VI Вселенском Соборе ересь монофилитства была отвергнута и осуждена. Преподобный Максим Исповедник отказался от совместного причастия с лицами, которые явно и всенародно приняли ересь, а в его лице пытались найти себе поддержку.

Преподобный Максим Исповедник, посвятивший свою жизнь борьбе с ересью, никогда не отождествлял вселенскую Церковь с еретиками и не пытался создать свою собственную Церковь.

Вопрос. Раскольники ссылаются на правила Константинопольского Собора (называемого Софийским по имени кафедрального собора) о том, что с епископом, учащим народ ереси, следует прервать молитвенную связь и не поминать его имени на литургии.

Ответ. В правилах Собора нет никакого основания для раскола как выхода из Церкви и образования новой иерархии, напротив, обвинители епископа должны обращаться с жалобой к местному собору и ожидать его решения. Если суд малого собора не удовлетворил какую-нибудь из сторон, то она может принести жалобу или апелляцию к большему – окружному собору, но до этого подчиниться решению первого суда епископов. Неподчинение соборному суду навсегда

лишает права обращаться к высшей инстанции, так как само неповиновение становится обвинительным приговором. Что касается разрыва молитвенного общения с иерархом-еретиком, то здесь предполагается учение ереси в проповедях, которые являются органической частью богослужения, учение о ереси как о церковном догмате, упорство в еретическом мнении, несмотря на увещания со стороны епископов-собратьев. Разрыв молитвенного общения с архиереем – это временная мера до решения собора, который должен или оправдать архиерея, или отлучить его от Церкви, или принять от него покаяние. В то же время правило Софийского Собора запрещает выходить из повиновения епископа по причине личных подозрений. Все церковные каноны основаны на вере в то, что Дух Святой – Дух Истины – всегда будет пребывать в Церкви, и поэтому вселенская Церковь не может впасть в ересь и лишиться спасительной благодати. Ни одно правило святых Апостолов, Вселенских и поместных соборов не содержит даже намека на то, чтобы чистоту догматов можно было бы сохранить через ломку церковной структуры.

Вопрос. Раскольники говорят, что у них свой епископат и своя Церковь. Что Авксентий⁴, имя которого они носят, был епископом православной Церкви, а когда Церковь впадала в ересь, то он и его последователи сами стали Церковью.

Ответ. Мы уже сказали, что епископ получает свою бла-

⁴ Авксентий – лидер одного из старостильных греческих расколов. – Изд.

годать от Церкви через хиротонию – как меньший от большего, поэтому своей благодатью он не может создать Церковь, то, что больше него. Епископ, запрещенный Церковью и при этом совершающий служение, уже святотатствует, вооружает и похищает священное у Самого Бога.

Вопрос. Раскольники называют себя «православной североамериканской греческой Церковью». Что это значит?

Ответ. Церковь не абстракция, а реальность. Каждая церковь имеет свой статус. О какой Церкви говорят раскольники? Если она автономная, то кто ей дал автономию? Если автокефальная, то какие поместные Церкви признали ее? Если она вселенская, то как может она именоваться по имени народа и региона? Значит, это Церковь с неизвестным Православию, несуществующим и ложным статусом. Но так как раскольники считают ее единственно православной во всем мире, то в их глазах она должна быть «вселенской» Церковью, а название североамериканская греческая – временное прикрытие, нужное для того, чтобы скрыть и замаскировать свою претенциозность и явную нелепость. Если они – вселенская Церковь, то их архиерей должен обладать властью главы вселенской Церкви, то есть быть «папой Православия», так как соборность здесь невозможна. Соборность – то качество Церкви, которое присуще ей всегда, а не создается по мере умножения архиереев. Если же они будут утверждать, что внутри их раскола существует принцип соборности, то значит, каждое их собрание будет представлять всю

полноту вселенской Церкви и равняться Вселенскому Собору, который может принимать и утверждать догматы, образовывать поместные Церкви и так далее. Если они – вселенская Церковь, то, значит, они могут дать своему представителю в Грузии звание католикоса-патриарха или экзарха. А так как в настоящее время существует около 10 раскольничьих группировок, из которых каждая считает себя истинно православной Церковью, то в Грузии могут появиться сразу же несколько экзархов и несколько патриархов, и мы можем быть свидетелями той картины, которая раньше могла происходить в доме умалишенных, где несколько человек в одной палате утверждают, что каждый из них Юлий Цезарь или Александр Македонский. А так как каждый раскол имеет тенденцию к распаду и дроблению, причем каждая часть также считает себя единственно православной, то число архиепископов, экзархов и патриархов может увеличиваться в геометрической прогрессии. В этот бедлам хотят загнать верующих людей, потерявших чувство ответственности перед Церковью.

Вопрос. Раскольники представляют обвинения, которые нам кажутся серьезными.

Ответ. Ошибки, грехи и несовершенства присущи всем людям, какое бы положение они ни занимали. Как раз поэтому православная Церковь считает притязания Римского первосвященника на безгрешность в вопросах веры и благочестия абсурдными. Но Церковь и иерархия – это настолько

великие дары Божии, что не могут быть поставлены в зависимость от человеческих немощей и несовершенств лиц, получивших апостольскую власть, поэтому служение этих лиц спасительно для народа. В Евангелии от Иоанна пастырем назван тот, кто входит дверьми в овчий двор, а вором и разбойником – тот, кто хочет проникнуть туда другим путем. По толкованию экзегетов, овчий двор – Церковь, ворота – законная хиротония, воры и разбойники – еретики и раскольники, которые, разрушая ограду, то есть церковную структуру, воруют и похищают души людей. Увести человека из Церкви – это значит духовно убить его. С худшим из православных архиереев можно спастись путем терпения и послушания, только не слепого, а разумного, то есть послушания в русле Евангельских заповедей и церковных правил. А перейти к лучшему из раскольничьих архиереев – значит оказаться в благоустроенном морге, запертым вместе с трупами, хотя бы этот морг внешне имел форму храма.

Вопрос. Почему же глава раскольников не назвал себя патриархом, а только епископом, а затем архиепископом?

Ответ. Во-первых, как мы сказали, по тактическим соображениям раскольники называли себя греческой Церковью, а глава греческой Церкви носил звание архиепископа, поэтому одно повлекло за собой другое. Самозванный архиепископ и самозванный патриарх мало чем отличаются друг от друга. Затем возникает вопрос: каким патриархом назвал бы себя Авксентий? Если он считает свою общину единствен-

но вселенской Церковью, то титул этого патриарха должен бы быть «Патриарх патриархов». Даже титул «вселенский Патриарх» означал бы поместную Церковь, в данном случае Константинопольскую, что не отвечало бы претензиям раскольников на единственную истинную Церковь. Для их «самосвятства» просто не оказалось бы титула во всей истории Православия. Но от имени не меняется сущность дела. Раскольники вторгаются в поместные Церкви, хозяйничают в чужих епархиях, рукополагают священнослужителей, совершают вторичное миропомазание и так далее, то есть не считаются ни с какими церковными канонами. Даже католическая Церковь запретила именовать своих епископов по названиям ранее существующих православных епархий, поэтому действия раскольников по своему самовластию превзошли даже цезаристские тенденции Римских пап. Они похожи скорее на полномочия диктатора в военное время, который может по своему усмотрению отменять любые законы, вплоть до конституции. Звание архиепископа у главы раскольников столь же условно и маскировочно; на самом деле он ведет себя как монопатриарх. Но монопатриархи рожают не соборную Церковь, а новых архимонапатриархов, для которых церковные каноны – это их собственная неограниченная воля.

Вопрос. Если епископ ушел из Церкви в раскол, но над ним еще не произнесено отлучение, то насколько он сохраняет благодать, полученную в Церкви, и может ли он вообще

называться епископом?

Ответ. Церковь произносит официальное отлучение для того, чтобы оповестить народ, что бывший епископ стал лжеучителем и ему нельзя воздавать чести, принадлежащей архиерею. Согласно определению II Вселенского Собора, «все, что он совершает, ничтожно». Святой Киприан Карфагенский пишет: «Церковь во епископе, а епископ в Церкви», – Церковь не может существовать без епископа, а епископ без Церкви. Покидая Церковь, епископ, священник и мирянин теряют все, что получили в Церкви – по словам святого Киприана Карфагенского, даже имя христианина.

Епископ, нарушивший архиерейскую присягу послушания Церкви, теряет апостольскую благодать, его нельзя уже назвать епископом, как погасший луч нельзя назвать светом. То же самое относится к священнику, который одновременно нарушает две клятвы священнической присяги: послушание законному архиерею и послушание Церкви.

Церковные правила запрещают брать благословение у еретиков и раскольников; оно называется «суесловием». Апостольские правила категорически запрещают молиться вместе с отлученными от Церкви не только в их собраниях, но даже на дому. («Помолившийся с отлученными, сам отлучен да будет» – 10-е апостольское правило.)

Вопрос. Может ли грех архиерея, совершенный против Церкви, быть оправданием для раскола?

Ответ. Раскол хуже всякого греха против Церкви, так как

он представляет собой отвержение самой Церкви. Господь сказал: **Исследуйте Писания** (Ин. 5, 39). В Библии мы можем найти ответ на наши сомнения и недоразумения. Первосвященник Аарон еще до его призвания во священство тяжело согрешил: поддавшись угрозам, он сделал идола в виде золотого тельца и учредил в честь его праздник. Этот грех был настолько тяжел, что Господь хотел уничтожить весь израильский народ, и только молитва пророка Моисея отвратила гнев Божий. Моисей просил Господа или помиловать согрешивших людей, или вычеркнуть его самого из числа живых. Здесь мы видим, что участие в грехе брата пророка не явилось для народа оправданием. Церковное послушание – это послушание воле Божией, а лживое послушание – это удовлетворение своих страстей ссылками на чужие преступления. Но Аарон после своего грехопадения стал первосвященником, «призванным от Бога» (Евр. 5, 4). Когда Корей, Дафан и Авирон восстали против законной церковной власти и потребовали предоставить им честь и право совершать жертвоприношение, то гнев Божий постиг их: разверзшаяся земля, как ад, своей пастью поглотила их, а огонь, сшедший с небес, испепелил их сторонников. Эта казнь была похожа на гибель Содома, поэтому раскольники должны задуматься, образом чьего конца, Церкви или раскола, является гибель преступного Пятиградия. Хотя грех священников мог быть для восставших поводом к обвинению первосвященника, но мятеж в Церкви, попытка силой захватить храмовую власть

и не принадлежащий сан, был осужден Богом и предан все-народной казни. Благословение, данное Аарону и его потомкам, – быть священниками ветхозаветной Церкви – не было отменено до времен новозаветной Церкви, хотя к этому роду принадлежали богоубийцы: Анна и Каиафа.

Библейские книги говорят нам о многих преступлениях, которые были совершены священниками и первосвященниками (1-я книга Маккавеев одного священника называет безбожником, нечестивцем⁵), но мы не найдем ни одного случая, чтобы церковное благочестие было бы возобновлено и сохранено через раскол. Народ смотрел на грехи священников как на наказание за свои грехи и видел спасение во всеобщем покаянии, а не в расколах.

Вопрос. Можно ли найти подобные примеры в истории новозаветной Церкви?

Ответ. Во время арианских, монофизитских и иконоборческих смут были периоды, когда казалось, что весь Восток погружается в ересь. К началу патриаршества святителя Григория Богослова в Константинополе из полутора тысяч храмов только один принадлежал православным. Почему же никто из православных архиереев не создал свою собственную Церковь с новой, идущей от него иерархией? Святитель Афанасий Александрийский большую часть своей жиз-

⁵ См. 1 Мак. 7, 9: царь послал <...> нечестивого Алкима, предоставив ему священство; этот Алким был священник от племени Аарона (1 Мак. 7, 14); Алким же домогался первосвященства (1 Мак. 7, 21). – Изд.

ни провел в ссылках и заключениях, однако он не объявил себя и своих сторонников новой Церковью, а боролся за Православие до самой смерти, если можно так выразиться, в Церкви, объятай пламенем.

На Флорентийском соборе почти все греческие архиереи приняли позорную унию. Почему же ревностный борец за Православие святитель Марк Ефесский не объявил поместные Церкви, которые были представлены на Флорентийском соборе еретиками, упраздненными, и не стал хозяйничать в чужих епархиях?

Святые Отцы знали, что Церковь непобедима и непреоборима силами ада, поэтому дыхание благодати развеет темные тучи ересей, и солнце Православия вновь ярко засияет над миром.

Образ Христа

Все Священное Писание христоцентрично: Ветхий и Новый Заветы можно сравнить с двумя окружностями, вложенными друг в друга. Христос – центр Ветхого Завета, к которому ведут, как силовые линии от периферии, пророческие откровения и храмовые прообразы; Христос – центр Нового Завета, от которого идут, как лучи солнца, вечный свет Евангелия и сила благодати. В последние века перед пришествием Христа на землю, в эпоху нарождающегося раввинизма, образ Мессии подвергся искажениям, главным образом под действием национальных утопий, что привело к трагическому результату: большинство иудейского народа не поняло и не приняло Иисуса из Назарета. Где искажается образ Христа, там искажается или вовсе уничтожается христианство. Спасение человека – это его преображение по образу Христа Спасителя через благодать Духа Святаго. Иногда христиане задают вопрос: «Разве не спасется еретик, если он был замучен за Христа?». Но в каждой ереси и секте сам образ Христа подменен. За какого Христа отдал свою жизнь еретик? Какой

Христос может быть запечатленным в его душе не визуаль-но, а в Духе Святом? За кого он отдал жизнь – за истинного Христа или за свое искаженное представление о Христе, за лжехриста, который не может быть Спасителем и Искупителем? У древних еретиков-докетов, упоминаемых в посланиях Иоанна Богослова, Христос – это некая космическая сила, пришедшая на землю не во плоти, а в призрачном эфирном теле. Это учение делало два важнейших Евангельских события – Распятие и Воскресение – простым сценическим представлением, поэтому Иоанн, Апостол любви, запрещал приветствовать гностиков-докетов как своих братьев и принимать их в свой дом. Может ли образ Христа, пришедшего на землю как театральная маска, спасти гностика-еретика, если даже он отдаст жизнь свою за идею, за такого иллюзорного Христа? В апостольские времена существовала секта эбионитов, то есть «бедных», которые учили, что Христос – один из пророков, рожденный Марией и Иосифом, и требовали исполнения всей ветхозаветной атрибутики и обрядности. Мог ли такой мессия спасти от смерти и ада не только других, но и самого себя? Для позднейших гностиков Василида и Валентина Христос был силой Божией, эоном, пришедшим в материальный мир, чтобы вывести из него другой эон – Софию. Об этом учил еще в апостольские времена первый гностик Симон-волхв, а в XX веке старые гностические заблуждения собрал и проповедовал другой гностик – Рудольф Штайнер.

Для Талмуда Иисус – сын прелюбодеяния и обманщик, для магометан – сын Девы и пророк, который, однако, не был распят и не воскрес: за него распяли Симона Киринейского, а Христа Аллах взял на небо, как пророка Илью; он должен прийти в последние времена, чтобы умереть и лечь в могилу в Медине, рядом с Магометом. В Коране написано, как Аллах вопрошает Иисуса: «Говорил ли Иисус, что он Бог?» На что тот отвечает категорическим отказом. Магомет сравнивает себя с Духом-Утешителем, о Котором возвестил Иисус. В теософии, индийской и европейской, образ Христа аморфен и неоднозначен, для Вивекананды, знаменитого проповедника йоги, Христос – это миф и выдумка, некий абстрактный художественный образ; такого же мнения Елена Блаватская. Рамакришна, Шюрре и другие считают Христа великим посвященным на уровне Будды и Магомета, притом с явным предпочтением Будды. Кришнаиты хотят присвоить себе Христа, выдать свое учение за обновленное Евангелие. Они учат, что Христос – это одно из многочисленных воплощений Кришны. Массированное наступление восточных оккультных систем на Европу и Америку поставило перед индийскими и тибетскими гуру задачу заменить образ Христа другим, темным ликом; тогда без Христа падет христианство, как крепость, взорванная изнутри, и на развалинах прежних христианских храмов будут построены руками самих европейцев буддийские и шиваитские капища.

В XX веке стали появляться десятки провокационных за-

явлений о якобы найденных древних рукописях, в которых говорится, что Христос учился в Тибете, что после Распятия Он был в обморочном состоянии, Его исцелили ламы и помогли бежать на Восток, где Он окончил жизнь: одни указывают как вторую родину Христа Тибет, другие – Бирму, третьи – Японию. Существует одна японская фамилия, которая считает, что ее клан ведет свое происхождение от Христа, женившегося на японке, и даже показывает чью-то могилу, выдавая ее за могилу Иисуса.

Индийские брахманы оказали яростное сопротивление христианству. Апостольская проповедь нашла себе почву только в Южной Индии, населенной дравидскими племенами. Жрецы древней Индии применили тактику борьбы с христианством, которая не удалась элите эллинистического мира. Они объявили Евангелие неудачным вариантом буддизма и брахманизма. Некоторые из Евангельских эпизодов и притч были в результате сложной интерпретации включены в биографию Будды и ведийскую мифологию. Достаточно просмотреть ранние и поздние варианты жития Будды, чтобы увидеть эти вставки и интерпретации, похожие на заплатки из чужой одежды. Этим методом пользуются их преемники – современные гуру, пытающиеся доказать, что их учение – это элитарное и эзотерическое христианство.

Значительную роль в искажении христианства сыграл гностик и манихей Рудольф Штайнер. Для него Иисус – сын от брака Иосифа и Марии, причем в новорожденного мла-

денца вселяется душа другого, ранее умершего младенца Иисуса; таким образом, в ребенке живут две души (напомним, что слово «шизофрения» означает раздвоенность, которая субъективно ощущается больным как присутствие в нем двух существ). Иисус Штайнера – слабовольный, нравственно несовершенный человек. Во время угрозы со стороны язычников он готов принести жертву идолам, то есть отречься от Бога, и только глубокий обморок спасает его от богоотступничества. В 30 лет на Иисуса сходит Христос – солнечный эон, заключающий в себе 7 элогимов, то есть 7 космических духов. Иегова идентифицируется с архангелом Михаилом. Во время погребения тело Иисуса упало в расщелину земли, где нашло себе могилу. Воскресения Христа во плоти не существует. Пасха – это иллюзия; воскресает эфирное тело Христа, в котором Он через девятнадцать веков вновь невидимо пришел в мир (1914 год). На открытии антропософского храма в Швейцарии, в котором стоят изображения языческих богов, Штайнер прямо говорил, что миссия его жизни – реабилитация язычества, и эту древнюю гностическую ересь, вернее, букет ересей, нам преподносят как истинное христианство и пытаются убедить, что оно не противоречит Евангелию и Церкви, а только углубляет их. Кстати, главный свой труд, почему-то малоизвестный среди современных антропософов, Штайнер назвал «Пятым Евангелием»; возможно, эту книгу сознательно скрывают от широкой аудитории, чтобы раньше времени не отпугнуть прозе-

литов. Самого Иисуса Штайнер объявил воплощениями Заратустры и Будды.

Свой вклад в искажение образа Христа внесли и литераторы. Во главе литературных профанаций стоит Ренан, который в прошлом веке написал книгу «Жизнь Иисуса», похожую на романтический детектив. За эту книгу Ренан получил в подарок от бельгийских масонов ручку с золотым пером. По случаю выхода книги, написанной этим бывшим воспитанником иезуитов, римский папа объявил трехдневный пост в католическом мире, указав на нравственное падение человечества, на фоне которого могла появиться такая нравственная грязь. Литературные традиции Ренана продолжил Булгаков в своем романе «Мастер и Маргарита». Там Христос – наивный утопист, безвольный мечтатель, не понимающий, чему он учит и к кому обращается со своим учением; Христос Булгакова бессилен против зла и греха человечества. Кроме бледных и многословных проповедей об абстрактном добре, он ничего не может дать. Образ Иисуса, названного Булгаковым Иешуа, создан как будто для того, чтобы контрастно подчеркнуть другой образ, образ его антипода – Воланда, который является носителем деятельного добра. Воланд – это сатана не в христианском, а в манихейском понимании, это князь тьмы, который через зло творит добро. В своем романе Булгаков старается незаметно внушить мысль, что Евангелие – выдумка Апостолов, то есть повторяет позицию неоплатоника Порфирия и эклектика Юлиана Отступ-

ника, которые считали, что Иисус неплохой человек, но Апостолы сделали из Него Сына Божия. Апофеозом романа является картина Вальпургиевой ночи, которая по своему литературному мастерству может соперничать с Вальпургиевой ночью Гете. Есть одно странное совпадение, наводящее на мысль, что роман Булгакова написан непосредственно под действием демонических сил, а именно, Булгаков указал место лифостротона, тогда еще не обнаруженного археологами под последующими застройками Иерусалима. Раскопки 60-х годов, во время которых были открыты мощный каменными плитами двор и часть лестницы римского судилища, подтвердили описание Булгакова.

Продолжателем Булгакова в русле литературной романтики на религиозные темы, но уже не мистической, а атеистической окраски, стал писатель Айтматов. Мусульманин взялся писать о христианстве, – неужели потому, что уважает его больше, чем ислам? Вовсе нет. Если бы он повел себя так бесцеремонно с мусульманством, то, возможно, его ожидала бы судьба Рушди, во всяком случае, суровое порицание со стороны единоверцев; а христиане съели приготовленную им похлебку, да еще поблагодарили, так и не поняв, в чем здесь дело. В отличие от Булгакова, Айтматов не медиум, а функционер антихристианских сил. В романе «Плаха» он старается показать, что Православная Церковь – это давно отжившая бездуховная корпорация, которая изгоняет из себя все честное и нравственное. Профессор-священник

и исключенный из семинарии студент Авдий, представители как будто двух полюсов в христианстве, на самом деле оба безбожники и атеисты. Профессор носит несуществующее в семинарии звание «координатора» словно для того, чтобы подчеркнуть, что он страж системы, безликая и обезличивающая сила, и ему на самом деле все совершенно безразлично, кроме чувства собственной сытости. Авдий – скептик, для которого Бог – это только состояние души, а объективно Бога не существует (почти плагиат рассуждений Луки из пьесы «На дне» Горького, только в еще более атеистическом варианте). Автор подводит к мысли, что Христос остался бы историческим ничтожеством, иудейским хиппи, если бы не был распят. Слава Христа – это слава от бессмысленной жертвы, от самоубийства на кресте, то есть слава Герострата. Герой повести Авдий выбирает смерть как средство для самоутверждения: без нее он оказался бы никем и ничем.

В настоящее время выявляется еще одна интерпретация Христа – это Христос-космонавт. В английской Церкви есть секта, управляемая епископом Робертсоном, она-то и называется «Христос-космонавт». Звезда волхвов интерпретируется как космический корабль, а вознесение Христа – как возвращение к высшим цивилизациям, которые послали Его на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.